

Надежда КОНДАКОВА

Родилась в Оренбурге. Окончила два курса филологического факультета Саратовского госуниверситета и Литературный институт им. А.М. Горького. Заведовала отделом поэзии журнала «Знамя» и журнала «Октябрь», была составителем «Дня поэзии» (1979, 1980, 1982).

Поэтесса, переводчица, драматург. Печатается в центральных литературных журналах. Автор многих поэтических сборников и книг переводов. Лауреат премии Москвы в области литературы и искусства (2011), Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка» (2014) и региональной премии имени С.Т. Аксакова (2014), а также премий журналов «Золотой век», «Дети Ра».

Живет в Переделкине.

ПОБЕДА – ТО, ЧТО ПОСЛЕ БЕД...

Баллада о сердце и блуждающей пуле

*Посвящается
Александру Николаевичу Лищуку,
великому кардиохирургу и человеку*

Привезли бойца с кровавой битвы
с пулею, блуждающей внутри.
И деревья встали на молитвы.
И замолкли птицы до зари.

А когда заря, в кроваво-алом,
госпиталю окна подожгла,
пуля-дура возле сердца встала,
тихо постояла – и вошла.

И как бы по знаку демиурга,
сердце стало тяжелей земли.
И его уже на стол хирурга
только сами ангелы внесли.

...Ах, война-война, война-войнушка,
к твоему приближась куражу,
я скажу тебе, война, на ушко
то, что никому не расскажу.

Это и не драма, и не проза,
а поэма Господа и рук
русича, точнее – малоросса,
гения по имени Лищук.

Вот стоит он, военврач, ученый,
победитель смерти в СВО –
двести пуль, из сердца извлеченных,
все хранятся в сердце у него.

В сердце, где с молитвою о сыне
старенькая матушка в окно
день и ночь глядит на Украине,
или в Украине – все равно.

Сердце у нее висит на льдинке.
Тает льдинка, плачь или не плачь...
Но сойдутся в новом поединке
снайпер и боец. И военврач.

...Вот он снова в операционной.
И к нему, а не на Страшный суд,
с пулею, в блуждания влюбленной,
раненого – ангелы несут.

Лица

Как я люблю довоенные лица
всех, кто родился в Империи русской,
после Империи – в русской столице,
в русской провинции с русской нагрузкой.

Как я люблю довоенные лица! –
Бабочки, пчёлки, сачок в огороде...
Все, что на фото, что длится и длится,
все, что продолжится после в народе.

Послевоенное детство, как счастье
просто родиться у папы и мамы,
моющей рамы... От духа и плоти –
бабочки, пчёлки, сачок в огороде...

Как не люблю предвоенные лица –
ужины в Рговк'е, обеды в «Живаго»
тех, кто рассчитывал длиться и длиться,
словно в отсутствие Бога живаго.

Тех, кто рассчитывал вечное лето –
отпуск в Майями, викенды в Монако,
всех, кто теперь затеряется где-то,
всех, кого мы пожалеем, однако.

Как я люблю ваши лица живые,
летчики наши, сапёры, танкисты,
и рядовые – железные выи
нашей великой уже реконкисты.

Разные лица – одни позывные,
только бы вы к нам вернулись, родные! –
только б продолжились в нашем народе
бабочки, пчёлки, сачок в огороде...

Накануне

Инне Соловьевой

За алым лежбищем заката
маячит, как морская даль,
в огромных соснах синевато
небес мерцающий хрусталь.

И даже ветер не колышет
лес по обочинам густой,
где крестиками птичек вышит
песок, от солнца золотой.

И кажется, не будет сносу
всей этой смирной красоте:
траве последнего покоса,
вороне сонной на кресте.

И даль, конечно, не морская,
а в среднерусской полосе,
как жизнь, простая жизнь мирская,
но в очарованной красе.

Так жизнь твоя, в последней трети,
течет, не разбирая лет,
пока безумное столетье
к виску подносит пистолет.

И как любой самоубийца,
которому нельзя помочь,
век вряд ли различает лица
сквозь наступающую ночь...

* * *

Бла-бла и бабло,
Бабло и бла-бла.
А детки сгорают в освенциме зла,
в откате и ссудном проценте,
в его развлекательном центре.
Сгорают, сгорают...
А клубы дымят,
свиваются в змеи, спускаются в ад.
А детки – наверх улетают
и тают за облаком, тают...
И страшную книгу листают

мои соплеменницы – где вы? –
рожать не хотящие
девы...
Мои современницы – кто вы?
в бездетность упавшие
вдовы...

* * *

Февраль. Достать чернил, забытых
в двадцатом веке, не могу...
Пусть за меня про всех убитых
напишет ворон на снегу.

Следы вороньих лапок мелки,
а в марте весь растает снег. ...
Потом забьют в Стамбуле стрелки.
Потом расстанутся навек.

И вновь сойдутся в поле чистом –
не с человеком человек,
не раб Господень с атеистом,
а с имяреком имярек.

И, взрывом брошены в объятья,
на полосе, где хлеб не сжат,
«небратья» мертвые – как братья,
в горсти у Господа лежат.

2022

* * *

Ты родину мою не трожь,
она сама себе не рада –
сирень, закутанная в дрожь
у голубого палисада.

Сама обманывалась и
ее обманывали эти,
то глухари, то соловьи,
обманутые ею дети.

И есть такая полынья
в ее заледенелом горе,
где плачет родина моя,
сама с собою в чёрной ссоре.

И все-таки ее не трожь,
она ведь не твоя отрада,
не ты здесь целовался в дождь
у голубого палисада.

Не для тебя ее краса,
её желтеющие нивы,
ее поэты и леса –
все для тебя несправедливы.

Унылы рощи и жнивье,
угрюмы – песни и парады.
И не понять тебе её
ни рая, ни шального ада.

...Лети по свету, дорогой,
шуми, витийствуя на воле!
Твой образ родины другой –
под ветром перекасти-поле.

Бе(з)Ценная

Победа – то, что после бед.
Или одной беды огромной.
Победа оставляет след,
сравнимый с непрерывной домной.

Обогащается руда,
за ней чугуны идут по следу –
так и народы иногда
обогащает лишь Победа.

И перед нею все равны:
Живой, и мёртвый, и увечный...
И у Победы нет цены.
Нет, кроме Божьей, то есть вечной.

* * *

Памяти Б. П.

Сыграй мне, скрипач ненаглядный,
такую музыку сыграй,
чтоб сердце, как голубь опрятный,
рвануло за радостью в Рай.

Чтоб всплыли большие светила
на небе тревожного дня
и музыки этой хватило
не только уже для меня.

Чтоб мой ненаглядный, мой бывший,
смущенно не пряча лица,
прощенный стоял и простивший
пред музыкой Бога Отца.